

—

IV.

Тан Шэн посмотрел на Гу Сьюаня, затем перевел взгляд на братьев Се, и уголки его губ слегка приподнялись.

Будь на его месте кто-то другой, это, скорее всего, была бы самоирония. Но такой человек, как Тан Шэн, никогда не признавал собственных ошибок и всегда винил во всем окружающих, поэтому в его улыбке читалась лишь насмешка над тем, как Гу Сьюань и остальные «ломают комедию».

Затем он влил внутреннюю силу в ладони, принимая боевую стойку, и холодно бросил:

— В конечном счете всё равно всё решает сила. Раз так — нападайте втроем!

— ... — Гу Сьюань приподнял бровь.

Не стоит так опрометчиво выбирать себе противников. Будучи человеком, который «и цыпленка не обидит» (не владеющим боевыми искусствами), он вовсе не собирался ввязываться в подобную потасовку. Гу Сьюань весьма проворно отступил в сторону на несколько шагов, увеличивая дистанцию между собой и этой троицей.

Братья Се тем временем уже сцепились с Тан Шэном в яростной схватке.

Шэнь Лошуан и Сыту Фэн стояли в стороне, и на их лицах отражалась мучительная борьба. Честно говоря, они всем сердцем одобряли желание Се Чэньюня убить Сунь Яньянь. Но в то же время они не могли поднять руку на Тан Шэна. Особенно Шэнь Лошуан, которая питала к нему глубокие чувства. Что же касается Сыту Фэна, то он был по уши влюблен в Шэнь Лошуан — разве мог он сделать то, что заставило бы её страдать?

В этот момент стоящий в стороне Гу Сьюань внезапно подал знак теневого стражу.

Поднялся легкий ветерок. Раздался тихий звук: «Пф-ф...»

Этот звук был крайне тихим. Однако все присутствующие обладали внутренней силой, поэтому, конечно же, смогли его уловить. Но никто не придавал этому особого значения — всё их внимание было поглощено разгаром битвы в центре двора.

Но следом раздался громкий «дзынь!» — звук упавшего на землю оружия. Этот звук был уже достаточно отчетливым и привлек всеобщее внимание.

Первой на источник звука посмотрела Шэнь Лошуан и тут же вскрикнула от ужаса:

— Мертва... она мертва!

Сыту Фэн мгновенно повернул голову. Затем и Тан Шэн перевел туда взгляд и в тот же миг застыл как вкопанный, напрочь позабыв о продолжающемся бое.

Се Чэньюнь не успел вовремя остановить выпад мечом, и лезвие вспороло одежду на груди Тан Шэна. Только тогда тот резко отпрянул, но, едва восстановив равновесие, бросился к тому месту, куда были прикованы все взгляды.

Се Чэньюнь и Се Минкун нахмурились и одновременно убрали мечи, не продолжая атаку. Ведь краем глаза они уже успели рассмотреть, что произошло.

Хрупкое тело Сунь Яньянь лежало на земле. Её прелестное лицо стало землисто-серым, глаза были широко распахнуты, а маленький, как вишня, рот слегка приоткрыт — казалось, она хотела что-то сказать, но навсегда лишилась этой возможности.

На её животе виднелась узкая кровавая полоска, которая стремительно расширялась, и из неё непрерывным потоком лилась кровь. Она была поражена внезапно возникшим кинжалом. Удар казался случайным, но был нанесен крайне расчетливо: он в одно мгновение перерезал её энергетические каналы и даньтянь, отчего внутренняя сила мгновенно рассеялась, а кровотечение стало неостановимым.

Разумеется, это дело рук теневого стража Гу Сьюаня.

В этом мире боевых искусств, где главные герои находят чудесные артефакты, а великие кланы обладают древним наследием, техники внутренней силы, которые изучали теньевые стражи, считались весьма посредственными. В честном поединке один на один с выдающимся мастером боевого мира они, конечно, не выстояли бы. Но в искусстве внезапного и молниеносного убийства — особенно когда речь шла о таких мастерах второго эшелона, как Сунь Яньянь — им не было равных в своей четкости и решительности.

Тан Шэн посмотрел на теневого стража, с чьего кинжала всё еще капала кровь. Его взгляд стал предельно глубоким. Однако это длилось лишь мгновение. В конце концов он посмотрел на Гу Сьюаня и медленно произнес:

— Яньянь была всего лишь маленькой девочкой. Её характер был порывистым и упрямым, но она была чиста душой. Ей просто не повезло встретить меня, она...

Гу Сьюань приподнял бровь и звонким голосом прервал его:

— Она также убила множество людей. Среди тех погибших наверняка были такие же «чистые душой и прекрасные» девушки, как ты только что описал. И та девушка тоже могла быть чьей-то возлюбленной.

В этом мире не только твоя любовь является Любовью, и не только твои чувства драгоценны настолько, что могут стоять выше чужой жизни или смерти.

— ... — Все заготовленные слова Тан Шэна застряли у него в горле. Он замер, не в силах ни выдохнуть, ни сглотнуть.

Вся накопленная в груди обида и ярость свернулись в тугой ком, который вот-вот готов был взорваться. Он уставился на Гу Сьюаня и, сделав резкое движение руками и ногами, принял боевую стойку:

— Теперь слова бесполезны. Раз мы оба — люди мира боевых искусств, давай выясним, кто из нас сильнее. Если сегодня я не одолею тебя лично и не отомщу за Яньянь, то грош мне цена как мужчине.

Се Минкун тут же с надеждой вытаращил глаза. Друг, которого привел его старший брат, выглядел весьма незаурядно. Возможно, он был прямым учеником одной из четырех великих сект? Интересно, как он будет сражаться против Тан Шэна?

— ...

Се Чэньюнь же хранил молчание. Глядя на Тан Шэна, он подумал про себя: «Если ты ставишь на кон такие вещи, то после этого тебе действительно, пожалуй, придется перестать называть себя мужчиной — Гу Сьюань вообще не станет с тобой драться».

И действительно, в следующий миг Гу Сьюань слегка приподнял бровь:

— Поединок, разумеется, невозможен. С тех пор как я вышел в мир, я ни разу не поднимал на кого-либо руку...

Тан Шэн пришел в неопределимую ярость:

— Ты меня презираешь!

— Я попросту совершенно ничего не смыслю в боевых искусствах, — спокойно закончил фразу Гу Сьюань.

— Не смыслишь в боевых искусствах? — Тан Шэн прищурился. — Ну и что с того? В обычное время я, возможно, и не стал бы убивать простого обывателя, не способного даже цыпленка задушить. Но ты — злодей, совершивший тягчайшее преступление! Ты трусливо и подло убил Яньянь из засады. И мне плевать, умеешь ты драться или нет — сегодня я во что бы то ни стало прикончу тебя своим ударом!

Гу Сьюань кивнул и бесстрастно заметил:

— За весь вечер ты наговорил кучу гадостей, но вот эти слова — самые искренние. Впрочем, раз уж ты решил использовать силу против слабого, то... у меня тоже не должно возникнуть проблем с тем, чтобы задавить тебя числом.

Как только слова сорвались с его губ...

Хлоп! — он ударил в ладоши.

Все скрывавшиеся до этого на стенах люди в черном одновременно спрыгнули вниз. Сжимая в руках оружие, они живой стеной встали перед ним, надежно обеспечивая его безопасность. Но на этом всё не закончилось.

Затем Гу Сьюань посмотрел на Се Чэньюня:

— Брат Се, не желаешь ли продолжить неоконченный бой с этим человеком?

— ... — Уголок рта Се Чэньюня слегка дернулся. А затем он решительно кивнул и вышел вперед.

Тан Шэн уставился на Гу Сьюаня, и выражение его лица несколько раз сменилось. Он и представить не мог, что на свете бывают настолько бесстыдные люди. Однако сейчас, даже если бы он захотел остановиться, его противники были с этим не согласны.

Получив знак от Гу Сьюаня, теневые стражи выстроились в боевой порядок и начали плотную атаку. Се Чэньюнь был ранен, поэтому на этот раз он лишь прикрывал их, действуя на внешнем круге. Но даже этого было достаточно, чтобы Тан Шэн ощутил колоссальное давление.

Ранги мастеров в мире боевых искусств Великой Чжоу распределялись следующим образом:

врожденный мастер (стадия Сяньтянь), обычный мастер (стадия Цзунши), мастер первого ранга, второго ранга, третьего ранга... и так далее по убывающей.

Врожденный мастер (Сяньтянь) — это тот, чье боевое искусство и техники внутренней силы достигли стадии «превращения в первозданное». Такие мастера не просто следуют правилам, они эволюционировали, создав свой собственный «Путь» (Дао). С этого момента они способны чувствовать ритм Неба и Земли, их жизнь продлевается, а во всем мире насчитывается лишь три человека, достигших подобных высот.

Обычный мастер (Цзунши) — это тот, кто довел определенную технику внутренней силы до абсолютного предела и постиг крупицу «Пути». Однако эта крупица принадлежит самой технике, а не создана мастером лично. Тем не менее, такие люди встречаются крайне редко: это либо главы великих сект, либо старейшины-хранители знатных кланов. Самому молодому из них уже перевалило за тридцать пять.

Ниже стоят мастера первого ранга. Они отточили свое искусство до совершенства, но так и не смогли коснуться понимания «Дао». Среди них встречаются и те, кто еще не достиг идеальной техники, но благодаря тому, что их боевые искусства относятся к разряду легендарных, они способны на равных сражаться с другими мастерами первого ранга за счет уникальной и глубокой внутренней силы. Поэтому список мастеров первого ранга обширнее, а их состав сложнее: здесь можно встретить даже юношей восемнадцати-двадцати лет, но почти все они — выходцы из великих сект или могущественных кланов.

Тан Шэн практиковал боевые искусства всего несколько месяцев, но благодаря невероятной мощи «Первозданного искусства Неба и Земли» его уже можно было причислить к мастерам первого ранга (ближе к нижней границе).

Се Чэньюнь же долгие годы изучал семейные техники, и благодаря таланту его мастерство достигло филигранности. Однако техники семьи Се были довольно посредственными: они не только не шли в сравнение с «Первозданным искусством Неба и Земли», но и уступали техникам обычных сект. Поэтому он находился на самой нижней ступени первого ранга.

Наконец, теньевые стражи Гу Сьюаня обучались общедоступным техникам, которые были даже хуже семейных приемов Се. Каждый из них лишь едва касался границы первого ранга, зато среди мастеров второго ранга они были на самой вершине.

Однако в данный момент восемь теньевых стражей вместе с братьями Се набросились на врага всей толпой. Хотя мастерство Тан Шэна было на одну-две ступени выше, качественного разрыва в силе не было — эту разницу вполне можно было восполнить числом, и даже подавить противника.

Среди всплешек клинков и теней мечей раздался глухой удар: кто-то из стражей ударил Тан Шэна ногой в грудь. Тот потерял равновесие и отлетел назад, выплевывая струю алой крови. Теньевые стражи, не теряя ни секунды, продолжили атаку, намереваясь следующим же ударом оборвать его жизнь. Раз этот человек посмел выказывать намерение убить Императора, он заслуживал лишь немедленной смерти на месте.

— Брат Тан!

Внезапно Шэнь Лошуан, всё это время следившая за боем, с невероятной скоростью бросилась вперед. Она закрыла Тан Шэна своим телом, приняв на себя смертельный удар меча одного из стражей.

Увидев кровь и падающую к нему в объятия красавицу, Тан Шэн изменился в лице. Однако теневые стражи Гу Сьюаня не были склонны к жалости или нежности: следующая волна атак последовала незамедлительно.

Вдруг по двору сверху вниз пронесся невероятно легкий ветерок, коснувшись каждого из присутствующих. Фонари под карнизом крыши едва заметно качнулись. Гу Сьюань стоял под деревом, заложив руки за спину; пряди волос у его лица слегка затрепетали. Он не пытался их убрать — его взгляд был прикован к фигуре в белом, которая внезапно возникла перед Шэнь Лошуан и Тан Шэном.

Этот человек в одиночку отразил атаку всех стражей. Гу Сьюань недовольно нахмурился. Фигура в белом тоже посмотрела на него и произнесла:

— Небеса милосердны и любят жизнь. Зачем же вам идти до самого конца и истреблять всех? Будьте великодушны, умеете прощать.

Голос был звонким, мелодичным и слегка кокетливым — это была девушка лет семнадцати-восемнадцати. Но то, с какой силой она только что вступила в бой, поражало: её мощь была уже совсем близка к уровню мастера Цзунши. Даже Тан Шэн, прижимавший к себе раненую Шэнь Лошуан, невольно засмотрелся на незваную гостью.

Гу Сьюань не изменился в лице, лишь спросил:

— Могу ли я узнать ваше почтенное имя?

— Дворец Тяньвай, Сяо Ханьсинь, — девушка изящно поклонилась. Хотя её выражение лица и голос оставались спокойными, в них отчетливо слышалось высокомерие.

Затем, легким движением ладоней активировав истинную энергию ци, она подхватила Тан Шэна и Шэнь Лошуан и, словно паря, исчезла вместе с ними. Сыту Фэн, увидев это, немедленно бросился в погоню.

Во дворе поместья Се осталось лишь несколько человек.

— Дворец Тяньвай? — задумчиво пробормотал Се Чэньюнь и невольно взглянул на Гу Сьюаня. Тот выглядел совершенно невозмутимым. Благодаря системе он знал сюжет оригинала и прекрасно понимал, что происходит.

Дворец Тяньвай (Запредельный Дворец).

Легендарная святыня мира боевых искусств — призрачная, таинственная и непостижимая. В мирные времена его ученики почти никогда не спускались к людям, и простые смертные тщетно пытались их отыскать. Но в эпоху смуты адепты Дворца Тяньвай активно являлись миру, выбирая того, кого считали «Истинным Сыном Неба», чтобы наставить и поддержать его. В древних хрониках упоминалось, что основание по крайней мере двух великих династий не обошлось без их участия. Поэтому в народе говорили, что они «выбирают правителя от имени Небес», обладая правом на высшую справедливость.

В оригинальном сюжете Дворец Тяньвай выбрал именно Тан Шэна, и в конце концов эта красавица в белом, Сяо Ханьсинь, стала одной из его любовниц.

Разумеется, Гу Сьюань не испытывал никакого благоговения перед этими туманными легендами. Особенно теперь, когда они выбрали Тан Шэна. Теневые стражи тем временем

разом пали на колени, признавая вину:

— Ваши слуги не справились, мы заслуживаем смерти.

Гу Сьюань слегка повел рукой:

— Неважно. Нынешний противник действительно был вам не по зубам. Тан Шэн — всего лишь безумец, его жизнь или смерть не так уж важны. Свободны.

— Слушаемся, — стражи синхронно поднялись и в одно мгновение исчезли с глаз.

Се Чэньюнь подошел к нему и с любопытством спросил:

— Если тебе всё равно, почему у тебя такой вид, будто ты не в духе?

Гу Сьюань стоял, заложив руки за спину; его голос звучал холодно:

— Я просто пришел к одному весьма неприятному выводу.

«Этот тиран с такой внешностью и впрямь выглядит внушительно», — подумал Се Чэньюнь.

— И к какому же? — приподнял он бровь.

— Уметь сражаться — это важно. Чужая сила всегда останется чужой. Какой бы огромной властью я ни обладал, какие бы выдающиеся стратегии ни строил, в такой ситуации, как сегодня, я оказался бессилён и мог лишь смотреть, как Тан Шэна уводят, — произнес Гу Сьюань, направляясь вперед.

В конце концов он остановился на том месте, где Тан Шэн был повержен на землю. Не обращая внимания на рассыпанное серебро и фарфоровые флаконы, он наклонился и подобрал лоскут бледно-желтого шелка.

— Но если бы я владел боевыми искусствами, всё было бы иначе, — добавил он.

Эти слова прозвучали настолько серьезно и веско, что должны были бы вызвать глубокие раздумья.

Однако слушавший его Се Чэньюнь лишь скептически скривил губы: — «...»

Обучение боевым искусствам — дело невероятно трудное и изнурительное.

Ты — император в мире людей, владеешь всей Поднебесной. В твоих дворцовых покоях полно мастеров, а в библиотеках наверняка хватает глубоких познаний в боевых искусствах. Захоти ты учиться по-настоящему, тебе было бы в сто раз проще, чем остальным.

Но ты прожил почти двадцать лет, так и не достигнув в этом деле равным счетом ничего, лишь предаваясь веселью и любовным утехам.

А теперь тебя внезапно посетила эта фантазия? Но время, когда лучше всего закалять кости и тренировать тело, давно упущено. Тебе действительно остается об этом только мечтать.

Гу Сьюань с первого взгляда понял, о чем думает Се Чэньюнь, однако сейчас у него не было ни малейшего желания спорить с этим недогадливым объектом задания.

Напротив, пребывая в довольно хорошем расположении духа, он поднял зажатый в руке драгоценный шелк и сказал Се Чэньюню:

— Спасибо. При случае я приглашу тебя пообедать.

— ... — Се Чэньюнь.

Как уже говорилось, этот тиран владел всем миром и несметными богатствами. Рожденный стоять выше всех, разве мог он найти в этом мире вещь или дело, заслуживающее его особого внимания, а тем более — благодарности?

И вот теперь он подобрал какой-то окровавленный кусок рванины и за это собирается пригласить его на обед?

Се Чэньюнь нахмурился, а спустя мгновение в его голове всплыла некая неловкая сцена, отчего лицо его стало то бледным, то пунцовым.

Уж не нарочно ли этот тиран? Просто ищет повод для обеда, чтобы продолжить с ним сближаться?

Этот тиран и впрямь неисправимый сластолюбец — ему по нраву не только красавицы, но и красавцы.

Черные глаза Се Чэньюня блеснули, и он намеренно спросил:

— Брат Гу, что за драгоценность ты подобрал? Кажется, она только что выпала у Тан Шэна?

Гу Сьюань кивнул:

— Именно так. Твой первый удар мечом рассек его одежду, а в последовавшей свалке ты еще и ударил его ногой, вот эти вещи и выпали.

— ... — Се Чэньюнь прищурил свои красивые лисьи глаза.

Ну точно, у него есть умысел.

Этот тиран, совершенно не смыслящий в боевых искусствах, наблюдал за его схваткой так пристально — если в этом нет иного подтекста, кто поверит?

У Се Чэньюня пропал всякий интерес к дальнейшим расспросам. Какой нормальный мужчина будет в добром расположении духа, зная, что на него засматривается другой мужчина?..

Гу Сьюань, вопреки обыкновению, добавил:

— Эта вещь и впрямь весьма ценная. Если брату Се интересно, можем изучить её вместе.

— ... — Уголок рта Се Чэньюня дернулся. — Нет нужды, оставь её себе и изучай сам.

Такой маленький лоскут ткани — и «изучать вместе»? Это же придется стоять плечом к плечу, касаясь друг друга руками? И тогда этот тиран добьется своего, верно?

Тьфу, неудивительно, что страна гибнет — даже поводы для заигрываний у него совершенно безмозглые.

Глупец.

Се Чэньюнь не хотел больше иметь дел с этим человеком и просто отвернулся, наткнувшись взглядом на лежащее неподалеку тело Сунь Яньянь.

Она была мертва уже некоторое время, кровь вокруг застыла, хрупкое тело окоченело, и на коже даже начали проступать первые пятна.

Се Чэньюнь едва заметно усмехнулся. У него не было привычки издеваться над людьми или жажды во что бы то ни стало совершить месть собственными руками. Того, что дело удалось закончить до рассвета и поквитаться за погибших членов семьи Се, было вполне достаточно.

И в этом заслуга Гу Сьюаня была самой большой. Пусть даже мотивы этого тирана вызывали сомнения и были недобрыми.

Но при мысли о том, что в такую глухую полночь этот изнеженный и высокородный господин, не способный и цыпленка обидеть, ради него специально покинул дворец и подверг себя опасности...

Се Чэньюнь прикусил губу, его чувства на миг смешались. Спустя долгое время он всё же повернул голову и искренне сказал Гу Сьюаню:

— На самом деле, это я должен тебя поблагодарить!

Гу Сьюань, изучавший свиток, поднял голову и, проследив за прежним взглядом Се Чэньюня, мгновенно всё понял.

Он тут же покачал головой и серьезно ответил:

— Не стоит. Это то, что я должен был сделать.

Он — император Великой Чжоу, и это его Поднебесная. Даже кошка или собака на улице — это кошка и собака под его защитой. Даже продавшие себя в рабство охранники и слуги — это его подданные, которых он обязан оберегать. Тот, кто посмел тронуть их, бросил вызов его авторитету.

Он хотел убить Сунь Яньянь отчасти ради помощи Се Чэньюню, но в большей степени — просто следуя велению сердца.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь почувствовал себя еще более неловко. Что значит «должен был»? Неужели он принимает дела Се Чэньюня как свои собственные?

Не слишком ли прямолинеен этот тиран?

Се Минкун тем временем командовал уцелевшими слугами, унося тела погибших. Случайно подняв голову, он увидел, что эти двое стоят с крайне сложными выражениями лиц и молча смотрят друг на друга. Он не совсем понял, что происходит, но у него по коже пробежал необъяснимый мороз.

— Брат, вы чего там застыли? Глазками друг другу стреляете?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281656>